Акад. А. БЕЛЕЦКИЙ

Н. В. Гоголь

К 135-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Наудачу раскрыв книгу Гоголя, вдруг задержишься на строках, неожиданно загоревшихся новым, привнесенным нашими днями смыслом:

«За Киевом показалось неслыханное чудо. Все паны и гетманы собрались дивиться этому чуду, вдруг стало видимо далеко во все концы света. Вдали засиял Лиман, за Лиманом разливалось Черное море. Бывалые люди узнали и Крым, горю поднимавшийся из моря, и болотный Сиваш. По левую руку видна была земля Галичская».

Разве сейчас в 1944 году, на наших глазах не показало такое же «неслыханное чудо»? Разве не совершила его на удивление всем «панам и гетманам» наша доблестная армия, мощью своей рассеявшая непроницаемую черную мглу, которой два с лишним года были окутаны эти наши места? И вот снова близки и Лиман, и Крым, и земля Галичская. Два с лишним года не существовал там «злодей, какого еще не бывало на свете» — злодей, чернотою своих деяний превзошедший Колдуна гоголевской сказки. И вот уже бежит наш враг, как бежал в трепете Колдун Гоголя. Ужас объявляя ему: кажется, что деревья селятся его задушить, звезды бегут впереди, указывая на него преследователям, а в душе у него — «не злость, не страх, не лютая досада»; а нечто еще лютее, еще страшнее:

«Его жгло, пекло, ему хотелось бы весь свет вытоптать коном своим, взять всю землю от Киева до Галича с людьми, со всем и затопить ее в Черном море...».

Но дело Колдуна проиграно. Близок час, когда могучие руки схватят злодея и бросят его в бездну, уже кишачую им же загубленными мертвцами. Так свершится страшная месть. Так восторжествует в мире справедливость.

Гоголь не мог и предчувствовать грозных и славных дней, переживаемых нами. Но великие писатели, хотя бы они и родились свыше столет назад, не умирают. Каждая новая эпоха, каждое новое поколение читателей открывает в их образах новое содержание, по-новому ощущает эти образы: по-новому использует свое право примененить их, как оружие своей жизненной борьбы. Великое событие в истории русской литературы XIX века — творчество Гоголя — не только история, Великий писатель, которого Чернышевский считал основателем целого нового направления в русской литературе 40—50-х годов XIX века, часто звучит для нас, как наш современник. Это не мешает нам понимать и оценивать его и как факт прошлого. Но из фактов прошлого нам особенно дороги те, которые могут служить нашему настоящему и будущему.

Образы, созданные Гоголем, в свое время сослужили великую службу делу борьбы революционной демократии. Могучим смехом «Ревизора» Гоголь пригвоздил к позорному столбу николаевский режим; «Ревизор» и «Мертвые души» были сокрушительными ударами по миру взяточников, пошляков и бездельников — «небокоптителей». Но Манилов, Ноздрев, Хлестаков пережили Николая I и его время. В сатире Щедрина мы опять столкнулись с Ноздревым, который стал, правда, солиднее и устроился на посту редактора репрессивной газетки. Один из щедринских адвокатов явился сыном Чичикова и Коробочки. «Мертвые души» оказывались удивительно живучими. В И. Ленин разблал «маниловские мечтания» народников, споры меньшевиков с кадетами уполоблял соре Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, клеймил Черносотенца гоголевской кличкой «Собакевич».

Гоголь вошел в мировую литературу, как юморист — и сотни страниц написаны о характере гоголевского юмора. Сам он определял его, как видимый миру смех сквозь невидимые слезы. Пусть так: но слезы эти не были у него исторгнуты ни отчаянием, ни грустью. Гоголь отнюдь не оплакивал Россию. Плакальщиком он не был, как не был и веселым забавником, каким порой пыталась его представить реакционная критика. Смех его, по его собственному признанию, был «высоким, восторженным». Слезы его были слезами волнения, охватившего человека, взявшего на себя ответственное дело «вызвать на наружу... всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь» и очистить Россию от этой тины.

Литературная работа в его глазах была формой служения родине. «Творя творение свое, автор исполняет именно тот долг, для которого именно даны ему способности и силы», — писал он. И в другом месте: «Призваны в мир мы вовсе не для праздников и пируваний — на битву мы сюда призваны; как добрый воин, должен браться каждый из нас туда, где жарче битва».

У «лобного война» слезы невидимы. Слезы Гоголя — это его пафос, лежащий в основе его юмора, неразрывный с ним сочетающийся, но мысленный с ним в чистом виде.

Старые школьные учебники называли его поэтом «отрицательных сторон русской действительности». Да, в той действительности, в которой действовали Хлестаковы и Чичиковы, Гоголь не видел положительных сторон. Но за миром Хлестаковых и Чичиковых он всегда видел нечто с ними несоизмеримое: «необятный простор» — Русь.

«Что пророчит сей необятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родится беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и процитировать ему?».

Этот простор не обманул своими пророчествами. Пусть сам Гоголь не увидел всего размаха научной, общественной, художественной мысли, какого достигла Россия уже после него; пусть лишь предвидел он богатырей, которых создавала ныне советская страна: но предчувствия оправдались — и с избытком!

Они и не могли обмануть, так как опорой им был опыт прошлого. В прошлом — двенадцатый год, о котором во второй части «Мертвых душ» Тентетников беседует с Бетрищевым. Это год, когда «весь народ встал, как один человек, в защиту отечества», когда вся страна исполнилась «невидимых подвигов и высоких, но тайных жертв».

Украинец Гоголь, став русским писателем, принес в русскую литературу героические предания своей родины. Они легли в основу «дивной эпопеи, достойной Гомера» — повести «Тарас Бульба». Говорят, что французские школьники предпочитали эту повесть Гоголя самым популярным романам Вальтер Скотта. Мы читаем ее сейчас — и вновь, и вновь чувствуем Гоголя нашим современником. Повесть стала одинаково дорогой и близкой не только русскому и украинцу, но любому из детей одной большой родины — Советского Союза. Разве не о нас говорит старый Бульба казакам?

«Нет уз святее товарищества. Отец любит свое дитя, мать любит отца дитя, дитя любит отца и мать; но это не то братцы: любит и зверь свое дитя! Но породниться родством по душе, а не по крови может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в русской земле, не было таких товарищей!..»

Гоголь сам был одним из тех, кто своею работой закладывал основу святому товариществу русского и украинского народов. Став великим русским писателем, он не утратил ничего из того, что дала ему Украина. Без того, что получил Гоголь от Украины, не было бы в русской литературе ни «Вечеров», ни «Миргород», ни, в частности, «Тараса Бульбы». И благодаря Гоголю Украина стала «эстетическим объектом» русской литературы: он надолго установил специфическую форму этого объекта. Если в русской литературе Гоголя можно считать основателем целого направления, то и в украинской литературе у Гоголя оказалось немало учеников, и влияние его можно проследить от Шевченко, Кулиша, Стороженко до новейших писателей.

Украинские националисты когда-то сокрушались, что Гоголь писал по-русски, а не по-украински: с их точки зрения, это было «изнеоуд». Овсяннико-Куликовский, исследуя психологию Гоголя, определял его, как «общерусса на украинской основе». Но, кажется, лучше всех сам Гоголь ответил однажды А. О. Смирновой на вопрос о том, какая у него душа — русская или украинская? Не знаю, писал он:

«Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссианину перед русским, ни русскому перед малороссианином. Обе природы слишком щедро одарены богом, и, как нарочно, каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой — явный знак, что они должны пополнить одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им непохожие одна на другую, дабы порознь воспитались различные силы их характеров, чтобы потом, слившись воедино, составили собою нечто совершеннейшее в человечестве».

Так творчество Гоголя стало одним из прочнейших звеньев русско-украинского культурного единения. Но великие писатели обладают могущественно объединяющей силой. И в любви к Гоголю объединяются ныне читатели всех народов нашей страны. И товарищество русское, о котором говорил Бульба, стало дружбой народов Союза, осуществленной мечтой всех мировых мыслителей старой и новой Европы. Оно еще больше окрепло в испытаниях Великой отечественной войны. То, что говорил Бульба, мог бы повторить не один из наших бойцов любой из наших народностей:

«Пусть же знают они все, что такое значит в русской земле товарищество! Уж если на то пошло, чтобы умирать, так никому ж из них не доведется так умирать! Никому, никому! Нехватит у них на то мышинной природы их!».

Так переиздается с нашим временем из своей дали Гоголь. Сколько уже месяцев история заставляет нас вспоминать воспетые им когда-то места — от Сорочинцев до Дубно, от днепровских берегов до Карпатских предгорий. Фашистская саранча опустошила родные места великого поэта. Но великая метла выметает остатки этой саранчи — и вперед уже видны золотые снопы, вновь расположившиеся на неизмеримых полях, согнувшиеся от тяжести плодов ветви слив, черешен и груш в возрожденных садах и — после долгой ночи — уподобивший и роскошный летний украинский день, так восторженно воспетый некогда в певучей прозе «Вечеров на хуторе близ Диканьки».